

Шествие

Если тебе велят — влево, а ты направо
топаешь в аккурат,
не сомневайся, брат, это еще не слава
и не свобода, брат.

Правду ори свою рэпом или былинным
слогом, но посмотри:
ты все равно в строю, непоправимо длинном,
ровного рва внутри.

Вот и гадай, как лох: пафос, а может, лепет?
Прятаться или сметь?
Гиппиус или Блок? Быков или Прилепин?
Родина или смерть?
Вверить спешат толпу ратники и сиротки —
всяк своему божку.
Хуже всего тому, кто семенит в серёдке,
в плечи втянув башку.

С кем ты — спеша, скользят? — мне за тебя тревожно.
В тот ли вписался ряд?
Притормозить нельзя. Выбраться невозможно.
Разве что — в небо, брат.

***

Пятые сутки баржу болтает в море.
Умный дурак мне пишет, что всем кранты.
На берегу коты застывают в ссоре,
прямоугольно выгнув свои хвосты.

Спорить не стану: шар наш — ковчег без трапа.
Правда, коты считают, что выход есть.
Чёрный — за Клинтон, рыжий (верняк!) — за Трампа.
Морда в бугристых шрамах и дыбом шерсть.

Дует восток, ломая зонты на пляже,
круг надувной катя по волне ребром.
Фуры вдоль трассы. И никакой продажи
у торгашей, пока не пойдёт паром.

Жалко водил, заснувших на жёсткой травке.
Мелкого жаль, что, круг упустив, гундит;
жалко народ, что ринулся делать ставки
на кошаков... Мне пофиг, кто победит

там или здесь — под этой летящей криво
гиблой волной, сводящей запал к нулю.
Сидя на парашюте с бутылкой пива
и сигаретой winston, я всех люблю.

***

Говорит приёмьш, пасынок, лишний рот:
«Ладно, я — урод, нахлебник, дурное семя,
но сарай твой скрёб и вскапывал огород,

а когда повальный, помнишь, был недород,
я баланду хлебал со всеми.

Я слепым щеглом в твои залетал силки,
на твоём крючке висел лупоглазым карпом.

А когда по ребрам били твои сынки,
я в ментовку на них не капал.

Кто тебя тащил, когда ты была пьяна,
избавлял от вшей, от пуль заслонял спиною?

Что же ты меня выталкиваешь, страна,
и отхаркиваешься мною?»

А она в ответ: «Ты воду, манкурт, вари
из другой страны, что, пасынкам потока,
согласится слушать все эти: «твой», «твои»,
не кривясь брезгливо. Что ты застыл? Вали,
если есть на земле такая».

***

Видно, здорово напился, убаюкивая дух,
коль не хипстера на пирсе видишь ты, а сразу двух.
Это прям какой-то Пратчетт. Клацнув дверцами тойот,
глупый хипстер робко прячет, умный — смело достает,
чтоб, торча в чужой палатке с гордой надписью «Надым»,
ты ловил ноздрями сладкий электронной цацки дым.
Не впервой курить вприглядку бездоходному тебе,
на челе сгоняя в складку мысль о классовой борьбе.
Не впервой слезой давиться пересекшему Сиваш.
Всё плывет, и всё двоится: крымненаш и крымневаш.
И маячат беспартийно — между миром и войной —
цвета местного портвейна два светила над волной.
Ты и сам давно раздвоен: у тебя внутри мятеж,
перестрелка, смута, зрада, разорённая страна,
где один — Аника-воин, а другой — А ну-ка врежь,
и обоим вам не надо ни победы, ни хрена.
Потому что в этом гуле, продолжающем расти,
ты боишься, но не пули — страшно резкость новости

на окрестность, где отсрочка от войны лишает прав,
и никчёмный одиночка видит, голову задрвав,
как меж бездною и бездной, рассекая темноту,
хипстер движется небесный с огнеметом на борту.

Поезд

И, вертясь, трясёт нечёсаной головой,
и сопит, с часами блёклый пейзаж сверяя.
Наш состав по водам движется, как живой.
Хлороформом пахнет наволочка сырая.

Всех достал, трещотка (вот уж не повезло!):
мол, стекло в подтёках, чай не разносят утром,
чем лечить подагру, кто изобрел весло,
москалям сейчас вольготнее или украм.

Выясняет нудно: вторник или среда?
То ли он, хлебнув, куражится, то ли бредит.
А ещё всё время спрашивает: куда
этот поезд едет?

Но уже глупца назначил своим врагом
с верхней полки дядька. И настучал на «гада».
— Вы его куда — с вещами? — В другой вагон.
Проводник суров: «Постель не бери. Не надо».

Тут законы круты: если чужак — сваля.
В коридоре — пусто. Шторки раздвинешь — голо.
Но всё глубже, глубже — в сумрачные слои —
проникает поезд из одного вагона,

заливая светом логово темноты,
где цветут, кренясь, медуз голубые маки,
где, со дна поднявшись, ляхи и гайдамаки
подплывают к нам, как рыбы, разинув рты.

Верка ропщет, ропщет: «Надо же так суметь!
 Ты за что, Господь, ему уготовил смерть?
 Он же был непьющий,
 в хоре Твоем поющий,
 сроду не делал зла.
 А этого Ты козла,
 за которым три ножевых,
 оставил в живых».

Надька ропщет, ропщет: «Что-то я не пойму:
 Ты зачем, Господь, упёк моего в тюрьму?
 Нож из руки не выбил.
 Видел же, что он выпил.
 Сам, что ль, до крови лаком?
 Может, в петлю прикажешь мне?
 А семерых по лавкам —
 раздать родне?»

Ропщет Любка: «Планов не угадать Твоих:
 дал сперва двоих, потом отобрал двоих.
 Один — смирный, смурной.
 Другой — шальной, заводной,
 лют бывал после водки,
 но со мной — теплел.
 Все эти цацки, шмотки —
 к чему теперь?»

И гуськом плетутся, охая, бормоча.
 Слева и справа густо цветёт бахча,
 перекликаясь пчелами. У развилки
 озадаченно тормозят.
 Одной — к тюрьме. Другой — напрямиком — к могилке.
 А третья хлебнёт из пластиковой бутылки —
 и назад, назад.

Зависть

Полон рыбы твой водоём. Поля твои — не пустые.
Даже блохи на псе твоём — заведомо! — золотые.
Больше мяса в твоём борще. А чайник твой без огня
закипает. И вообще ты трижды умней меня.

И внутри я тебя черней, и хуже тебя снаружи.
По ночам и звезда крупней в твоей расцветает луже.
И покуда мой неуют вылавливает беду, —
словно ангельский хор, поют лягушки в твоём пруду.

Намекни лишь — и присягну, что,
как неразумный Крым, я
бесполезно иду ко дну, а ты расправляешь крылья,
набирая ту высоту — декретов и санкций вне, —
до которой не дорасту — куда уж ничтожной мне!

Распишусь на любом клочке и кровью
вдогонку капну:
я — червяк на твоём крючке, я — корм
дуралею карпу,
я — вместилище пустоты, софоры сухой стручок, —
что захочешь. Но только ты в меня не вперяй зрачок,

бормоча, утирая пот, упорно идя по следу,
словно я сорвала джекпот, отняв у тебя победу,
и оставила без гроша, и двор оплела травой,
и у пса твоего парша, и борщ без навары твой.

***

Все-таки — юг с опрятным его платаном,
кислым кизилом всюду и задарма,
чайкой картавой, рынка нитьём гортанным,
душным баштаном и пахлавой холма.

Все-таки — юг с туземною тягой к цацкам,
блажью пустой: в тебя затолкать еду;
мот и бахвал, что всё именует «царским»:
бухту, тропу и ужин в ночном саду.

Сводник, понтёр с тоской в маслянистом оке,
всем — собутыльник и никому не друг;
бог караоке, мастер базарной склоки,
в пыльных вьетнамках джокер. И все же — юг.

Солончаков злопамятный Монте-Кристо,
вкрадчив, ленив, а хрена его нагнёшь.
Долго пасёт, зато убивает быстро,
всякому дулу предпочитая нож.

Закрывая дачу

Лишние чашки (всяк выбирал свою)
прячу в коробку: Света, Андрюха, Стас.
Всё, что сгребало лето, лепя семью,
осень смолола, переводя в запас.

Я подгоняла сонных: «А ну, а ну!» —
Запахом кофе, чая из местных трав.
Где, на каком кордоне моё «ау»
ждёт растаможки, в очереди застряв?

Лишь богомол на самом краю листа
плоской башкой качает, ловя баланс.
Беглые друзья, совесть моя чиста:
даже не треснул этот фарфор-фаянс

с вишней, собачкой, брызгами конфетти.
Упаковать. Бечёвкой обвязать.
Я отпустила всех, кто хотел уйти.
Я отдала им всё, что хотели взять.

Молодое светило вылезло на вершок.
Пять утра. Ни морщинки на посветлевшем шёлке.
Пляж безлюден. Лишь две синюшные шалашовки
собирают бутылки в пластиковый мешок.
То ли это мотель на трассе, то ли сераль:
бирюзовая вязь, понтовая позолота,
в запотевший цветник распахнутые ворота
и коровьей лепёшки спекшаяся спираль.
Справа — старый погост, где розы крадёт жульё;
на бетонной ограде красным: «Сдаю жильё»;
снизу — чёрным — приписка: «Дорого и навеки».
Неопознанный птичик боком торчит на ветке
запылённой софоры и верещит своё.
Слева клуб, от невзгод не спасший свою корму.
Но фасад уцелел и плиты еще не спёрты.
Перед ним постамент, мужик в пиджаке. Кому
этот памятник? Вроде, Киров, но буквы стёрты.
Куришь, в масляный воздух дым выпуская злой,
пятернёю вода нелепо, как бы смывая
этот верхний, сиротский, праздно-лубочный слой.
И фрагментами проявляется вдруг живая
виноградная волость, каменная страна,
всякий раз при угрозе вражеского секвестра
уплывающая из рук полотном Сильвестра
Щедрина.